

**КОМПОЗИЦИОННЫЕ КОМПОНЕНТЫ, ОБРАЗЫ
И МОТИВЫ СКАЗКИ «ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА» В
СКАЗОЧНОЙ ПОВЕСТИ Н. ВЕСЕЛОВСКОЙ
«ВАСИЛИСА В ЛЯГУШАЧЬЕЙ ШКУРКЕ»**

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

(Поступила в редакцию 28.02.2023)

«Василиса в лягушачьей шкурке» – православная сказочная повесть Надежды Веселовской, которая наряду с другими произведениями («Сокровища», «Ленкина осень», «Подарки к Рождеству») вошла в книгу автора «Сокровища», адресованную прежде всего детям младшего школьного возраста и продолжающую традицию благочестивого семейного чтения, укрепляющую основы православия в современном обществе.

Исходя из концепции литературной сказки, разработанной Л. В. Овчинниковой, вышеназванная сказочная повесть является убедительным свидетельством того, что «наибольшее влияние на авторские сказки всевозможных разновидностей оказала волшебная народная сказка» [1, с. 108]. Цель статьи заключается в раскрытии особенностей художественно-смысловой трансформации компонентов композиции, образов и мотивов сказки «Царевна-лягушка» из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки» в поэтике сказочной повести Н. Веселовской «Василиса в лягушачьей шкурке», определившей основные идеи произведения, обусловленные мировоззренческой позицией автора – православного писателя и педагога. Фольклорный источник, образы и мотивы из которого

выявлены в указанной выше литературной сказочной повести, – это получивший широкую известность текст «Царевны-лягушки», размещённый во втором томе издания «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева» [2, № 269].

Н. Веселовская переосмысляет отдельные сюжетно-композиционные компоненты фольклорной сказки, а также её мотивы и образы (мотивы превращения, пути, испытания, образы Ивана-царевича, Василисы Премудрой и др.), создавая оригинальную сказочную историю о превращённой ведьмой и её внучкой в лягушку девочке Василисе. События, описанные в сказочной повести, происходят в современной Москве и содержат эпизоды из школьной жизни персонажей, сопряжённые с осмыслением автором актуальных вопросов нравственного воспитания детей в духе православной педагогики. Реально-бытовой план повествовательной структуры произведения служит фоном для изображения сверхъестественных происшествий.

Идейно-художественная связь с народной сказкой прослеживается уже на антропонимическом уровне поэтики сказочной повести Н. Веселовской. Главная героиня, ставшая жертвой чёрной зависти своей одноклассницы Идеи Ворожейкиной, – носитель имени женского фольклорно-сказочного персонажа. Компоненты композиции «Царевны-лягушки» выявляются в завязке, развитии действия литературного произведения. Превращению ученицы третьего класса Василисы в лягушку предшествуют события, которые произошли с ней во время школьного праздника – Дня Сказок, где девочка приняла участие в костюме своей фольклорной тётки, вызвав восхищение детей и сильную зависть высокомерной и тщеславной Идеи.

Художественно-смысловому преобразованию подвергается в сказочной повести Н. Веселовской мотив превращения, имеющий в

своей основе магические представления о человеке и мире, веру в волшебство. По словам старичка, которого встретил на своём пути в поисках тридцатого царства Иван-царевич, «Василиса Премудрая хитрей, мудрёней своего отца уродилась; он за то осерчал на неё и велел ей три года квакушею быть» [2, с. 336]. Кощеева дочь, превращённая в существо животного мира, ставшая по воле судьбы женой героя, обладает сверхъестественными способностями. Она творит разные чудеса, оборачивается «белой лебедью» [2, с. 335]. Главная героиня произведения Н. Веселовской – обычная девочка, добрая и воспитанная в духе православного благочестия. Василиса, переполненная впечатлениями праздничного дня, поступает опрометчиво, пропуская вечернюю молитву и забывая помолиться утром. Тем самым она оказывается более доступной для влияния демонической силы. Злой замысел Идеи Ворожейкиной и его реализация, нравственно-религиозный проступок Василисы – компоненты завязки произведения Н. Веселовской, эквивалентные по функции элементам, составляющим завязку волшебной народной сказки. Согласно В. Я. Проппу, «в типичной волшебной сказке вся завязка сводится к тому, чтобы отправить героя из дома» [3, с. 228]. Данная завязка «складывается из каких-либо элементов, подготавливающих беду (временная отлучка, запрет и нарушение), из самой беды или соответствующей ей недостачи, из просьб о помощи или отсылке героя, или из желания самого героя оказать противодействие» [3, с. 228]. Первая глава сказочной повести содержит следующее утверждение: «И если бы Василиса всё-таки помолилась, с ней, конечно же, не случилось бы того, о чём вы сейчас узнаете...» [4, с. 5]. Девочка нарушает молитвенное правило, что влечёт за собой ослабление связи её души с Богом и функционально является подобным нарушением фольклорными персонажами каких-либо

запретов. В. Я. Пропп утверждает: «Запрет в фольклоре всегда нарушается. Иначе не было бы сюжета» [3, с. 225]. Появление в Василисином сне лягушки с печальными глазами – предвестие беды, происшедшей с героиней в зоопарке, где Идея, обученная своей бабушкой, закончившей курсы теоретической магии, «толкнула Василису и прошептала: “Ненавижу тебя, пусть моя ненависть тебя изменит!”» [4, с. 16 – 17]. Героиня, не защищённая Божественной благодатью, становится жертвой магического эксперимента, утрачивает человеческий облик и превращается в лягушку. Православным автором выражено неприятие магии как демонического зла, преступления против установленных Творцом законов миропорядка. В произведении содержится психологическая мотивировка обращения к магическим опытам: «...в человеке, занимающемся магией, непомерно раздута гордыня. Он идёт против Бога» [4, с. 6]. Идеино-художественное содержание православной сказочной повести проникнуто анتماгическим христианским мировоззрением. Добро и зло приобретают ярко выраженную нравственно-религиозную окраску, представляя в таких своих проявлениях, как жизнь по воле Божьей и отвержение Творца, контакт с тёмными духами. В имени Идея выражено желание родителей девочки увидеть её в будущем по земным меркам успешной, возвышающейся своей личностной неординарностью над другими людьми. Фамилией Ворожейкина подчёркивается магическая связь с необычным именем героини, под влиянием бабушки-ведьмы избравшей путь эгоистического самоутверждения с помощью магии.

Образ Василисы восходит к типу героя волшебной сказки, который «может быть назван героем-жертвой» [3, с. 229]. Однако в отличие от народной сказки, проникнутой архаическими магическими верованиями, христианским писателем раскрывается греховная

сущность магии, а также её бессилие перед Божественной благодатью. Василиса, превращённая в лягушку, сохраняя человеческий разум, обращается к Богу с молитвой, благодаря чему она не раз избегает беды и остаётся живой в смертельно опасных ситуациях. Однажды героиню спасает мальчик по имени Иван, образ которого заключает в себе аллюзию на Ивана-царевича – положительного персонажа сказки «Царевна-лягушка». Инициатору расправы над бессловесным существом, грубому и ехидному Митюхе, Василисин защитник говорит: «Меня ж Иваном зовут, я Иван-Царевич!» [4, с. 57]. Спасителями заколдованной девочки на её пути в поисках своего дома выступают и другие персонажи («похожий на зайчонка» [4, с. 58] Игорёк, уборщица тётя Дуся). Сострадательные герои оказываются рядом с обречённой на смерть лягушкой не случайно, а по Промыслу Божию. Из уст больной, но не утратившей человеколюбие и оптимизм пожилой женщины Василиса слышит слова, «что Бог ни делает, всё к лучшему» [4, с. 62]. В чувствах и переживаниях девочки-лягушки раскрывается зависимость всех живых существ от Божьей воли. Эта ключевая мысль, выраженная в сказочной повести, акцентируется Н. Веселовской с помощью эпитафии «Всякое дыхание да хвалит Господа!» [4, с. 3]. Заколдованная Василиса, утратившая вместе с человеческим обликом и дар речи, не имеющая возможности обратиться с просьбами о помощи к людям, вспоминает молитвенную фразу, которую часто слышала от своей бабушки: «Всякое дыхание да хвалит Господа!» [4, с. 24].

Мотив пути, являющийся важнейшим компонентом композиционной основы народной волшебной сказки, переосмысливается христианским писателем-педагогом в соответствии со своей идейно-художественной задачей – утверждением основ православного учения о Боге, мире, человеке. С Божьей помощью Василиса-лягушка встречает

отзывчивых, сильных духом заступников, избавляющих её от гибели, находит свой дом. Каждый из этапов пути героини включает испытания её веры в Божье милосердие и христианское смирение, содержит в себе какой-либо духовно-нравственный урок. Добродушная тётя Дуся, кротко переносящая жизненные невзгоды, укрепляет в ребёнке чувство смирения: «От неё и на Василису повеяло каким-то благодатным покоем, который верующие люди называют смирением» [4, с. 62].

Поступки сочувствующих заколдованной девочке персонажей, встреченных ею во время скитаний по городским улицам, а также молитвы бабушки, мамы, подруг, их живое, сердечное участие в обращении к Богу образуют в сказочной повести Н. Веселовской мотив помощи как «добра-спасения» [4, с. 53], противостоящего магическому злу и его приверженцам. Компонентом мотива Божьей помощи, а также составной частью чудесного плана поэтики произведения является освящённая вода, которая может быть рассмотрена в качестве религиозно-христианского аналога чудесных предметов (средств), функционирующих в художественном мире волшебных сказок, в частности, живой воды. Проливая на себя из кувшинчика «святую воду с молебна» [4, с. 70], Василиса обретает свой прежний облик. Как утверждает православный писатель, «святость пронзает всякую магию, разрушает любые чары» [4, с. 70].

В духе нравственного учения Православной церкви переосмысливается Н. Веселовской «мотив местонахождения смерти Кощея в яйце» [5, с. 332]. В сказке «Царевна-лягушка» Иван-царевич узнает от Бабы-Яги, что Кощеева смерть «на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кощей как свой глаз бережёт» [2, с. 336]. Автором «Василисы в лягушачьей шкурке» локализация смерти Кощея

истолковывается в христианско-символическом плане: дуб – это «мужественный человек... Зайчик – тот, кто без промедления кинется на помощь... Утка, если только она не обычная прожорливая кряква, – добрая душа, смиренно плывущая по волнам трудной жизни...» [4, с. 25]. В Иване, сорвавшем «соревнование по обстрелу живой мишени» [4, с. 55], Василиса встречает «крепость духа» [4, с. 54], в милосердном Игорьке, который вылил на неё, едва живую от палящих солнечных лучей пригоршню воды, – «добрую расторопность в делах» [4, с. 54], а в тёте Дусе – «покорность Божьей воле» [4, с. 54]. Яйцо и игла превращаются в художественном мире православной сказочной повести в символы христианской жертвенной любви. «Самое острие Любви – это жертва за тех, кого любишь! А уж какая жертва сравнится с Господней мукой?», – говорит Василисина бабушка [4, с. 63]. Авторская интерпретация местонахождения Кощеевой смерти становится в произведении наглядно-дидактической иллюстрацией азов христианской нравственности и православного вероучения. Иисус Христос – «это и есть Кощеева смерть!», – заключает бабушка в своей беседе с девочками [4, с. 63].

Исходя из отношения Православной церкви к магии и колдовству, на основе представлений, выраженных в восточнославянском сказочном эпосе, где Кощей Бессмертный – это «прежде всего оборотень и чародей» [6, с. 197], Н. Веселовская создаёт образ одноименного персонажа, олицетворяющего духовное зло. В сказочной повести Кощей – колдун, презирающий христианские святыни, смирение и одобряющий возрастание в современном мире массового интереса к оккультизму. Зайчик, например, как один из образов-посредников, оберегающих Кощееву смерть, по словам самого Кощея, – «расторопность на всякие глупые дела» [4, с. 41], когда «спешат кому-то помочь» [4, с. 41]. В

чувстве ненависти, эгоизме, утрате веры в Бога Кощей видит силу, способствующую активизации и популяризации древнего языческого культа магии и колдовства, с опаской и возмущением вспоминает о традициях православного благочестия на Руси. В сказке «Царевна-лягушка» Иван-царевич одерживает победу над своим антагонистом и его смертью: «...он взял то яйцо, разбил, достал иглу и отломил кончик: сколько ни бился Кощей, сколько ни метался во все стороны, а пришлось ему помереть!» [2, с. 337]. В произведении Н. Веселовской существование Кощей вопреки описанному в сказке его смертельному поражению объясняется разрывом связи людей с Богом. Идею, убеждённой в том, что страшный волшебник давно умер, бабушка-колдунья говорит: «Много злобы на свете развелось, люди колдовством занимаются, вот как я... Суеверны: в приметы верят и без гороскопа ни шагу. Опять же ругаются плохими словами... От всего от этого Кощеева смерть снова из него вышла и назад подалась, обратным ходом: в яйцо, в утку, в зайца, в сундук... а Кощей опять, значит, жив-здоров!» [4, с. 8 – 9].

«Народная сказка воздерживается от воспроизведения внешнего портрета Кащея», – отмечает Н. В. Новиков [6, с. 217]. Описание наружности этого персонажа не содержит и «Царевна-лягушка» из собрания сказок А. Н. Афанасьева. В сказочной повести Н. Веселовской портретные характеристики Кощей служат выявлению его злотворной энергетики, враждебности биологическим и гуманным основам бытия: «Но когда Идея, подталкиваемая бабушкой, подошла знакомиться, навстречу ей сквозь чёрные очки стрельнули две мощных белых вспышки. Идею затрясло, будто она схватилась за оголённый провод. Как хорошо было бы сейчас оказаться далеко отсюда, хоть в школе, хоть во дворе! Но взгляд гостя пригвоздил Идею к полу, как, наверное, взгляд

удава заставляет замереть на месте загипнотизированного им кролика» [4, с. 37]. Вредоносная природа Кощея, уподобленного ожившему мертвецу, подчёркивается и посредством описания угощения бабушкой Идеи своего научного руководителя-мага пищей, включающей в себя «десять гамбургеров, десять чипсов, десять суши и десять больших бутылок кока-колы» [4, с. 30]. «Бессмертный» гость любит «коку» [4, с. 31], поскольку, «она человека легонько одурманивает: первая ступенька к виртуальному видению жизни» [4, с. 31]. Через сказочную повесть Н. Веселовской проходит один из наиболее примечательных мотивов её творчества – передача через поколения оккультно-магического знания («Спастишь от чар», «Маргарита и её мастер» и др.). Чародеям не удаётся реализовать свои планы и обучить Идею колдовству. Она раскаивается в своих злобных чувствах, в жестокости, проявленной по отношению к Василисе, и после принятия Святого Крещения «с обновлённой душой, с чистой совестью» [4, с. 75] исповедует православную веру. Потенциальная ведьма Идея «умирает» и рождается София, «раба Божья» [4, с. 75], небесной покровительницей которой становится христианская святая.

Подводя итоги, отметим, что в сказочной повести Н. Веселовской «Василиса в лягушачьей шкурке» органично сочетаются принципы фольклорной эстетики и авторское художественное начало, непреходящая народная мудрость и христианская нравственность. Оригинальное использование автором произведения компонентов композиции, образов и мотивов народной сказки говорит об актуальном значении фольклорной традиции в развитии современной православной литературной сказки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Овчинникова, Л. В. Русская литературная сказка XX века. История, классификация, поэтика : учебное пособие / Л. В. Овчинникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта ; Наука, 2003. – 312 с.
2. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. / подг. текста, предисл., примеч. В. Я. Проппа. – М. : Гослитиздат. Ленинградское отд-е, 1957. – Т. 2. – 510 с.
3. Пропп, В. Я. Русская сказка / В. Я. Пропп. – М. : АСТ, 2022. – 480 с.
4. Веселовская, Н. Сокровища / Н. Веселовская. – М. : Риза, 2014. – 272 с.
5. Рыбаков, Б. А. Язычество древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М. : Академический проект, 2013. – 805 с.
6. Новиков, Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки / Н. В. Новиков. – Л. : Наука. Ленинградское отд-е, 1974. – 253 с.

РЕЗЮМЕ

В статье выявлены компоненты композиции, образы и мотивы сказки «Царевна-лягушка» из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки» в сказочной повести Н. Веселовской «Василиса в лягушачьей шкурке». Рассмотрены их идейно-художественная трансформация, новое символично-смысловое наполнение писателем в духе православного учения о Боге, мире, человеке. Раскрыто значение творческого обращения Н. Веселовской к фольклорной традиции с целью доступного для детского сознания выражения духовно-нравственного содержания христианской религии, основ веры Православной церкви.

SUMMARY

The article reveals the components of the composition, images and motives of the fairy tale «The Frog Princess» from A. N. Afanasyev's collection of tales «Russian Folk Tales» in the fairy-tale story «Vasilisa in frog's clothing» by N. Veselovskaya. Their ideological and artistic transformation as well as the writer's new symbolic and semantic content in the manner of the Orthodox teaching about God, the world, and Man are considered. The author reveals the significance of N. Veselovskaya's creative appeal to the folklore tradition in order to express the spiritual and moral content of the Christian

religion, the foundations of the faith of the Orthodox Church in the form accessible to children's consciousness.

Шамякіна С. В.

ВОБРАЗЫ РОДЗІЧАЎ ЗМЕЯ Ў БЕЛАРУСКІХ ЧАРАДЗЕЙНЫХ КАЗКАХ

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

(Паступіў у рэдакцыю 15.03.2023)

Змей Гарыныч (Цмок, Смок, Юда) – адзін з самых вядомых і яскравых персанажаў усходнеславянскіх, у тым ліку беларускіх, чарадзеяна-фантастычных казак. Пра дадзены вобраз напісана шматлікая колькасць даследаванняў. Аднак у казках ёсць група персанажаў, непасрэдна звязаных са Змеем, якія, аднак, мала прыцягвалі ўвагу навукоўцаў. Мы маем на ўвазе разнастайных родзічаў Цмока, што дзейнічаюць разам з ім у многіх казках.

Падобныя персанажы згадваюцца некаторымі даследчыкамі ў кантэксце вывучэння вобраза самога Змея. Аднак разгляд іх мае пераважна фрагментарны характар – аналізуюцца ў пэўных работах толькі некаторыя з вобразаў, што не дае магчымасці паглядзець на дадзеную групу персанажаў сістэматызавана. Навуковых даследаванняў, спецыяльна прысвечаных менавіта групе персанажаў-родзічаў Змея, наколькі нам вядома, не існуе. Такім чынам, навізна нашай работы заключаецца ў комплексным аналізе адзначаных вобразаў, што дапамагае больш глыбока пранікнуць у іх сутнасць, выявіць незаўважаныя раней аспекты семантыкі.